

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589

EDN: VOSQYG

Эмпатия студентов в контексте риска экстремизма*

В.А. Тупикова, Я.А. Гудкова, Е.Г. Овчинников-Лысенко

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: tupikova-va@rudn.ru; gudkova_yaa@rudn.ru; 1042200009@rudn.university)

Аннотация. В нестабильных условиях масштабы экстремизма как формы противоправных действий продолжают расти. Снижение числа преступлений экстремистской направленности, отраженное в статистических данных, является следствием внесения изменений в законодательную базу. В группе риска в первую очередь оказываются молодые люди от 18 до 30 лет, которые в большей степени подвержены психологическому давлению со стороны экстремистских и террористических организаций, и особенно студенческая молодежь, которая уже начала чувствовать отпускающий родительский контроль, но еще не перешла границу полноценной взрослой ответственности. Публичные призывы к совершению экстремистских действий, в которых применяются разные социально-психологические механизмы воздействия, направлены именно на данную возрастную группу. Важную роль в интеграции в экстремистскую среду играет низкий уровень эмоционального интеллекта, эмпатии и психологического благополучия. В январе–феврале 2022 года был проведен опрос для проверки гипотезы о взаимосвязи между уровнем эмпатии и склонностью к насильственному экстремизму. В статье представлены результаты исследования уровня эмпатии и склонности к экстремизму у юношей и девушек, и прямой зависимости между уровнем эмпатии и возрастом выявлено не было. Неожиданным результатом стало то, что общий уровень эмпатии у юношей оказался выше, чем у девушек, и у девушек склонность к проявлению экстремизма вероятнее при высоком уровне эмпатии. Соответственно, повышение уровня эмпатии у молодых людей как способ профилактики экстремистского поведения может рассматриваться как один из аспектов комплексной программы, но не как универсальная стратегия противодействия молодежному экстремизму. Статья может стать основой для эффективной педагогической стратегии по профилактике экстремистской деятельности и снижению риска вовлечения в нее молодых людей. Разработанный подход должен учитывать особенности эмпатии у девушек и юношей, которые влияют на проявления насильственного экстремизма.

Ключевые слова: молодежный экстремизм; студенческая молодежь; экстремистское поведение; эмпатия; радикализм; насилие; группа риска; профилактика экстремизма

*© Тупикова В.А., Гудкова Я.А., Овчинников-Лысенко Е.Г., 2023

Статья поступила 03.03.2023 г. Статья принята к публикации 15.06.2023 г.

До 2017 года экстремизм был одним из наиболее быстро растущих видов преступлений в России (рис. 1), и «снижение показателей преступлений экстремистской направленности [позднее] обусловлено не массовым перевоспитанием экстремистов, а внесением изменений в основную “экстремистскую” статью 282 УК РФ — введением в нее административной преюдиции и, соответственно, “переходом” части деяний, фиксируемых ранее как преступление, в разряд административных правонарушений — статья 20.3.1 КоАП РФ» [8]. С 2020 года отмечается рост числа преступлений экстремистской направленности: на декабрь 2022 года зарегистрировано 2233 преступления террористического характера (+4,5%) и 1556 — экстремистской направленности (+48,2%) [7].

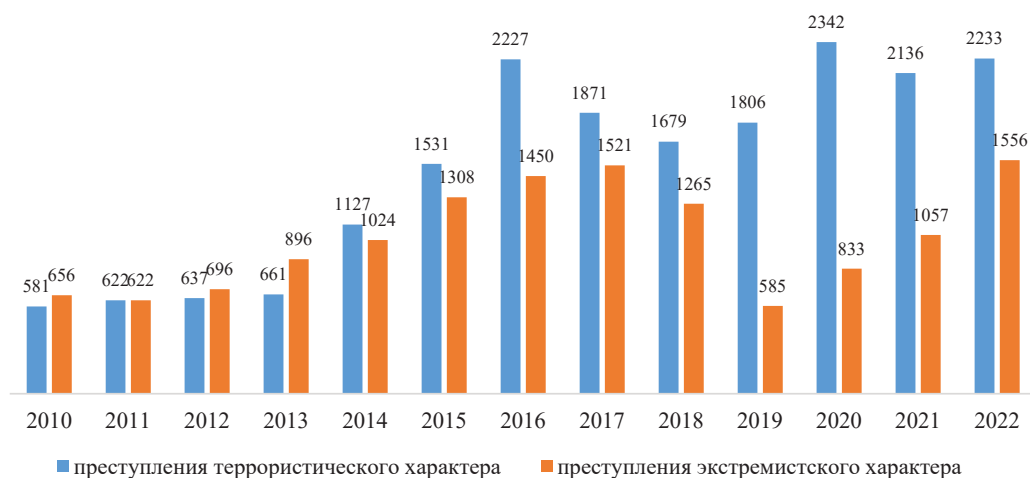

Рис. 1. Число преступлений террористического и экстремистского характера в России в 2010–2022 годы

По данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, среди осужденных за преступления экстремистского характера в 2022 году 32% составляли молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет [15]. Данная социально-демографическая группа наиболее подвержена воздействию и внушению со стороны экстремистских и террористических группировок через вовлечение в асоциальные неформальные молодежные организации [33]. Одним из способов вовлечения в деятельность экстремистской направленности стали призывы в социальных сетях, например, массовое обращение к молодым людям выходить на несогласованные митинги и акции, что приравнивается к деятельности экстремистской направленности в соответствии со статьей 280 Уголовного кодекса РФ [1]. Кроме того, молодежный экстремизм характеризуется жесткостью и отличается от «взрослого» «меньшей организованностью, стихийностью, отсутствием четкой идеологической основы» [2]. В силу возраста и неопытности молодые люди не боятся смерти, тюрьмы, физических травм,

поэтому молодежный экстремизм может привести к разрушающим последствиям, если не проводить профилактические мероприятия [2].

В контексте молодежного экстремизма необходимо обратить внимание на студенческую молодежь, которая находится в специфических условиях: не имеет стабильного дохода и социального статуса, но ощущает свободу от родительского контроля. Подобный диссонанс порождает чувство социально-психологической неустойчивости, что, в свою очередь, может провоцировать стихийные проявления радикального поведения [6]. Низкий уровень психологического благополучия влечет за собой риски вовлечения в экстремистскую деятельность [7], а, как правило, в качестве фактора психологического благополучия выступают позитивные отношения с окружающими, в том числе способность к эмпатии, умение устанавливать длительные доверительные связи, гибкость во взаимоотношениях с окружающими [10]. В целом «проявление нетерпимого отношения к другим людям присуще индивидам с плохо развитой эмоциональной сферой» [5]. Молодые люди обладают низкой самооценкой, у них отсутствуют навыки эмпатии и сопереживания, на фоне низкого уровня сензитивности (восприимчивость, тревожность) наблюдается высокая склонность к ксенофобии (включая совершение правонарушений на национальной почве). Изучение уровня сензитивности в контексте распространения экстремизма в молодежной среде позволит выявить наиболее незащищенные группы студентов и разработать профилактический инструментарий молодежного экстремизма.

В январе–феврале 2022 г. был проведен опрос для проверки гипотезы о взаимосвязи между уровнем эмпатии и склонностью к экстремизму и создания комплексной методики диагностики групп риска среди молодежи. Анкета сочетала две методики: опросник эмоциональной эмпатии (Emotional Empathic Tendency Scale, EETS), который предназначен для определения уровня эмпатических тенденций, способности к эмпатии как личностной черты и может быть использован в профессиональном и личностном консультировании (33 вопроса); методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма (66 утверждений), включающая в себя шкалы культа силы, допустимости агрессии, интолерантности, конвенционального принуждения, социального пессимизма, мистичности, деструктивности и цинизма, нормативного нигилизма, протестной активности, антиинтрацепции и конформизма. Было опрошено 300 студентов московских вузов от 17 до 22 лет — по 25 мужчин и 25 женщин каждого возраста. Выборка — целевая, выбор возрастного диапазона обусловлен рисками подверженности экстремизму в этой группе.

Согласно данным предшествующих исследований, предпосылки проявления экстремистского поведения у учащихся колледжей — склонность к агрессии и насилию, ориентация на власть и выраженный эгоцентризм, у студентов вузов — зависимое поведение, эгоцентризм и ориентация на деньги, у молодых людей, работающих полный рабочий день, — прочее проти-

воправное поведение, склонность к рискованным действиям, потребность в деньгах и в острых ощущениях [26]. Подтверждена роль индивидуальных предрасположенностей и контекстуальных факторов в радикализации студентов: эмоциональный компонент групповой депривации (гнев, презрение и отвращение) взаимодействует с «темной тетрадой» (макиавеллизм, субклиническая психопатия, нарциссизм и садизм) в предсказании радикальных, но не активистских намерений [27]. Выделены как минимум четыре основные формы предпосылок экстремистского поведения: проблемы идентичности; предрассудки и негативные межгрупповые установки; экстремистские нарративы, убеждения и идеологии; антисоциальность [19]. Многие исследователи говорят о взаимосвязи между способностью к эмпатии и высоким уровнем сопротивления радикализации [29; 33; 36; 37]. Например, тренинг повышения эмпатии как способа предотвращения насильственной радикализации среди подростков-мусульман и молодых мужчин и женщин с мигрантским прошлым [22] показал, что развитие эмпатии успешно противостоит насильственной радикализации, поскольку приобретение радикальной системы убеждений включает в себя четыре элемента: восприятие внегрупповых авторитетных фигур как нелегитимных, восприятие ингруппы как превосходящей, восприятие дистанции по отношению к другим людям, чувство отчужденности и оторванности от общества.

В нашем опросе методика эмоциональной эмпатии (EETS) использовалась дифференцированно [13]: у юношей очень низкий уровень эмпатических тенденций соответствует 0–7 баллам, низкий — 8–16, средний — 17–25, высокий — 26–33; не было выявлено никого с очень низким уровнем эмпатии, половина — со средним уровнем, 13% — с высоким, 35% — с низким. Однако прямой зависимости между возрастом и уровнем эмпатии не обнаружено: больше всего опрошенных с высоким уровнем эмпатии среди 19- и 22-летних (каждый пятый), с низким — среди 17-, 20- и 22-летних (40%–48%) (рис. 2).

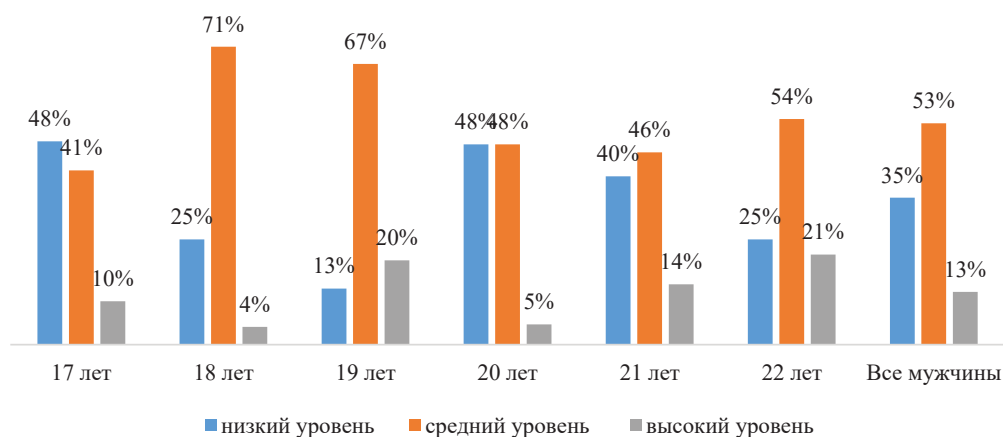

Рис. 2. Уровень эмпатии у юношей

У девушек очень низкий уровень эмпатии — 0–16 баллов, низкий — 17–22, средний — 23–29, высокий — 30–33; 43% опрошенных девушек — обладательницы среднего уровня эмпатии, 37% — низкого, 16% — очень низкого и только 5% — высокого. При этом среди 18-летних больше тех, у кого наблюдается высокий уровень эмпатии (14%), а среди 17-летних — тех, у кого низкий и очень низкий (77%). Таким образом, прямой зависимости между возрастом и уровнем эмпатии у девушек также не наблюдается (рис. 3).

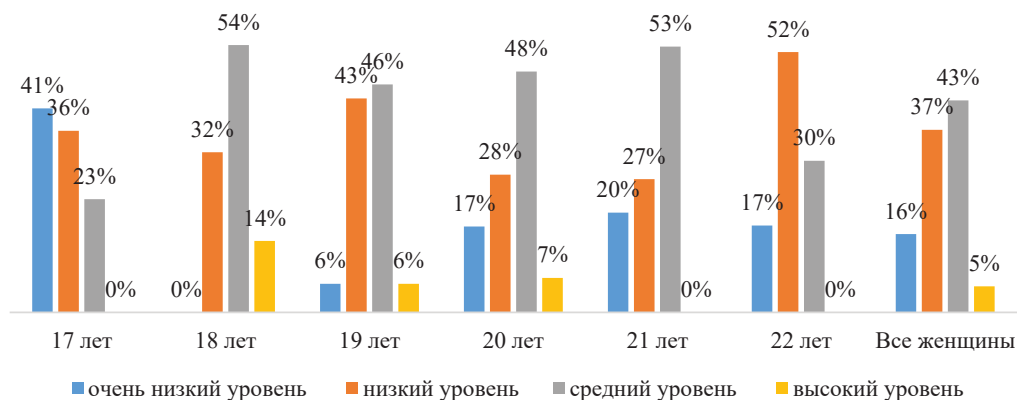

Рис. 3. Уровень эмпатии у девушек

Несмотря на то, что баллы по шкале эмпатии у девушек выше, уровень эмпатии у юношей оказался выше в целом, что подтверждает отсутствие очень низкого уровня эмпатии во всех возрастных категориях юношей и 65% суммарного высокого и среднего уровня эмпатии у юношей против 48% у девушек.

Среди опрошенных немного тех, кто находится в зоне риска: больше студентов в зоне риска оказались по шкалам «антиинтрацепция» (боязнь проявления подлинных чувств, избегание личной свободы — ответственности быть субъектом — и связанной с ней неопределенности и угроз своему Я), «конформизм», «конвенциональное принуждение» (рис. 4). По всем диспозициям в группе риска больше девушек, чем юношей: «инолентность» (19%), «конвенциональное принуждение» (тенденция выискивать людей, не уважающих общие ценности, чтобы осудить, отвергнуть и наказать их) (40%), «социальный пессимизм» (22%), «мистичность» (21%), деструктивность и цинизм (21%), «протестная активность» (26%), «нигилизм» (33 9%)», «антиинтрацепция» (45%) и конформизм (39%). Зависимость нахождения в группе риска от возраста очень слабая: коэффициент Пирсона = 0,1 (табл. 1). Так, чем ниже уровень эмпатии, тем выше склонность к конвенциональному принуждению и мистичности, деструктивности и цинизму у юношей; по всем диспозициям у девушек обратная тенденция — чем выше уровень эмпатии, тем выше склонность к насильственным диспозициям (если не учитывать группу с высоким уровнем эмпатии, но она немногочисленна).

Рис. 4. Группы риска по диспозициям насильственного экстремизма

Таблица 2

Коэффициент Пирсона

Диспозиция	Эмпатия (общ)	Эмпатия (Ж)	Эмпатия (М)	Возраст
Культе силы	0,388**	0,305**	0,175*	-0,160**
Допустимость агрессии	0,321**	0,258**	0,145*	-0,132**
Интолерантность	0,242**	0,193**	0,054	-0,13**
Конвенциональное принуждение	0,228**	0,225**	0,03	-0,113*
Социальный пессимизм	0,16**	0,223**	-0,001	0,08
Мистичность	0,159**	0,261**	0,002	-0,048
Деструктивность и цинизм	0,124**	0,235**	-0,055	-0,032
Протестная активность	0,178**	0,267**	0,023	-0,028
Нормативный нигилизм	0,275**	0,351**	0,079	-0,06
Антиинтрацепция	0,274**	0,317**	0,095	-0,065
Конформизм	0,3**	0,289**	0,145	-0,096

** Значимость на уровне 0,01

* Значимость на уровне 0,05

Хотя мотивационные аспекты радикальных взглядов в значительной степени изучены, мало что известно об особенностях когнитивных процессов радикально настроенных людей. Часть исследователей полагает, что когнитивная негибкость (неспособность быстро адаптироваться к новым социальным ситуациям и категоричность) может сигнализировать о наличии экстремистских установок [36], поскольку способность принимать разные точки зрения — основной механизм эмпатии, основанный на когнитивном функционировании [39] и развитии морали [24]. Другим фактором распространения молодежного экстремизма является несправедливость [23]. Исследования подтверждают более бурную реакцию на несправедливость со стороны радикально настроенных молодых людей, и такая реакция обусловлена «чувствительностью к правосудию» [31]. Более ранние исследования связывали чувствительность к справедливости с эмоциональными компонентами [30], современные исследования показывают, что она больше зависит от когнитивных компонентов эмпатии [21]. Таким образом, эмпатия, включая чувствительность к справедливости, может быть выше у радикально настроенных молодых людей, что отражено в результатах нашего исследования — высокий уровень эмпатии у девушек повышает склонность к экстремизму. В целом у людей с высоким уровнем эмпатии восприятие несправедливости может служить мотивацией предотвращения несправедливости или восстановления справедливости [38]. Поскольку несправедливость может служить базой развития экстремизма, высокий уровень эмпатии оказывается связан с экстремистскими рисками.

Результаты нашего опроса перекликаются с исследованием участия системы симпатии-эмпатии в радикализации молодежи [25], где показано, что радикализация может быть связана не с полным дефицитом эмпатии, а, напротив, с нормальной и даже усиленной эмпатией. Можно утверждать, что развитие эмпатии у юношей (например, в рамках образовательных тренингов) однозначно снижает риск их вовлечения в экстремистскую деятельность, однако обратная тенденция, наблюдаемая у девушек, не позволяет разработать универсальную стратегию противодействия экстремизму среди молодежи, т.е. профилактика экстремистской деятельности должна учитывать разницу в уровнях эмпатии у девушек и юношей, которая влияет на проявления насильственного экстремизма. Основным методом взаимодействия с молодежью должен оставаться открытый диалог, создающий условия для инициатив «снизу» и предполагающий активное участие учащихся благодаря учету личных ценностей и моральных приоритетов молодежи и развитию ее способности к критической оценке действий и смыслов.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук «Разработка социологической методики диагностики группы риска экстремистского поведения среди молодежи» (МК-1466.2022.2).

Библиографический список/References

1. Вломились с обыском спустя пять месяцев: на пермяка завели уголовное дело об экстремизме за комментарий о митинге в поддержку Навального / Vlomilis s obyskom spustya pyat mesyatshev: na permyaka zaveli ugovnoe delo ob ekstremizme za kommentariy o mitinge v podderzhku Navalnogo [They broke in with a search five months later: A criminal case on extremism against Permyak for commenting on a rally in support of Navalny]. URL: <https://59.ru/text/politics/2021/11/03/70216151>. (In Russ.).
2. Гринько С.Д. Профилактика молодежного экстремизма // Государственная служба и кадры. 2021. № 1 / Grinko S.D. Profilaktika molodezhnogo ekstremizma [Prevention of the youth extremism]. *Gosudarstvennaya Sluzhba i Kadry*. 2021; 1. (In Russ.).
3. Гурина О.Д. Ксенофобские установки и личностные особенности подростков с девиантным поведением // Психология и право. 2016. № 1 / Gurina O.D. Ksenofobskie ustanovki i lichnostnye osobennosti podrostkov s deviantnym povedeniym [Xenophobic attitudes and personal characteristics of teens with deviant behavior]. *Psikhologiya i Pravo*. 2016; 1. (In Russ.).
4. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1 / Davydov D.G., Khlomov K.D. Metodika diagnostiki dispozitsiy nasilstvennogo ekstremizma [Methods for diagnostics of dispositions of violent extremism]. *Psikhologicheskaya Diagnostika*. 2017; 14 (1). (In Russ.).
5. Зорькина А.А. Противодействие экстремизму в студенческой среде: актуальные проблемы и пути решения // Образование и право. 2020. № 9 / Zorkina A.A. Protivodeystvie ekstremizmu v studencheskoy srede: aktualnye problemy i puti resheniya [Countering extremism among students: Actual problems and solutions]. *Obrazovanie i Pravo*. 2020; 9. (In Russ.).
6. Капустина Т.В. Разработка и апробация скрининг-метода для диагностики склонности к экстремизму // Психолог. 2022. № 1 / Kapustina T.V. Razrabotka i aprobatsiya skringing-metoda dlya diagnostiki sklonnosti k ekstremizmu [Development and testing of the screening method of propensity to extremism]. *Psikholog*. 2022; 1. (In Russ.).
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года / Kratkaya kharakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii za yanvar–dekabr 2022 goda [A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2022]. URL: <https://мвд.пф/reports/item/35396677>. (In Russ.).
8. Леонтьева Ю.В., Овчинко О.А. Экстремизм в России: цифры и размышления // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 / Leontieva Yu.V., Ovchinko O.A. Ekstremizm v Rossii: tsifry i razmyshleniya [Extremism in Russia: Figures and reflections]. *Vestnik Sibirskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii*. 2020; 3. (In Russ.).
9. Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Характеристика современных националистических течений в ФРГ и России: сравнительный анализ // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 2 / Mazurov V.A., Starodubtseva M.A. Kharakteristika sovremennyh natsionalisticheskikh techeniy v FRG i Rossii: sravnitelny analiz [Contemporary nationalist trends in Germany and Russia: A comparative analysis]. *Vestnik Barnaulskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii*. 2019; 2. (In Russ.).
10. Михалева И.М. Психологическое благополучие студентов как фактор профилактики экстремизма // Социальная компетентность. 2017. Т. 2. № 4 / Mikhaleva I.M. Psikhologicheskoe blagopoluchie studentov kak faktor profilaktiki ekstremizma [Psychological well-being of students as a factor of extremism prevention]. *Sotsialnaya Kompetentnost*. 2017; 2 (4). (In Russ.).
11. Никитина Т.А., Терентьева И.А. Формирование системы профилактики экстремизма в студенческой среде: опыт Оренбургского государственного университета // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2 / Nikitina T.A., Terentieva I.A. Formirovanie sistemy profilaktiki ekstremizma v studencheskoy srede: opyt Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Development of the system for preventing of extremism

- among students in the Orenburg State University]. *Vestnik Povolzhskogo Instituta Upravleniya*. 2020; 20 (2). (In Russ.).
12. Новиков А.П. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. СПб., 2018 / Novikov A.P. *Profilaktika terrorizma i ekstremizma v molodezhnoy srede* [Prevention of Terrorism and Extremism among the Youth]. Saint Petersburg; 2018. (In Russ.).
 13. Опросник эмоциональной эмпатии / Oprosnik emotsionalnoy empatii [Emotional Empathy Questionnaire]. URL: https://psylab.info/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B8%D0%BA_%D1%8D%D0%BC%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D0%BC%D0%BF%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B8#.D0.9F.D0.BE.D0.B4.D1.81.D1.87.D1.91.D1.82_.D1.81.D1.8B.D1.80.D1.8B.D1.85_.D0.B1.D0.B0.D0.BB.D0.BB.D0.BE.D0.B2. (In Russ.).
 14. Российский протест выходит из интернета на улицу / Rossiysky protest vykhodit iz interneta na ulitsu [Russian protest changes the Internet for the street]. URL: <https://www.dw.com/ru/kommentarij-rossijskij-protest-vyhodit-iz-interneta-na-ulicu/a-56334388>. (In Russ.).
 15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год / Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2022 god [Summary statistical data on the criminal record in Russia for 2022]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>. (In Russ.).
 16. Троцук И.В. Справедливость в социологическом дискурсе: семантические, эмпирические, исторические и концептуальные поиски // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1 / Trotsuk I.V. Spravedlivost v sotsiologicheskom diskurse: semanticheskie, empiricheskie, istoricheskie i kontseptualnye poiski [Justice in sociological discourse: Semantic, empirical, historical, and conceptual challenges]. *Russian Sociological Review*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
 17. Троцук И.В., Субботина М.В. «Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4 / Trotsuk I.V., Subbotina M.V. “Yadro” i “periferiya” ponyatiy “schastie” i “spravedlivost”: metod neokonchennyh predlozheniy kak instrument validizatsii [‘Core’ and ‘periphery’ of the concepts ‘happiness’ and ‘justice’: Unfinished sentences technique as a means of validation]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (4). (In Russ.).
 18. Экстремизм: понятие, виды, ответственность / Ekstremizm: ponyatie, vidy, otvetstvennost [Extremism: concept, types, responsibility]. URL: <https://45.мвд.пф/document/19145617>. (In Russ.).
 19. Beelmann A. Concept of and approaches toward a developmental prevention of radicalization: Promising strategies to keep young people away from political, religious, and other forms of extremism. *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*. 2021; 104 (3).
 20. Charkawi W., Dunn K., Bliuc A.M. The influences of social identity and perceptions of injustice on support to violent extremism. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2021; 13 (3).
 21. Decety J., Yoder K.J. Empathy and motivation for justice: Cognitive empathy and concern, but not emotional empathy, predict sensitivity to injustice for others. *Social Neuroscience*. 2016; 11 (1).
 22. Feddes A.R., Mann L., Doosje B. Increasing self-esteem and empathy to prevent violent radicalization: A longitudinal quantitative evaluation of a resilience training focused on adolescents with a dual identity. *Journal of Applied Social Psychology*. 2015; 45 (7).
 23. Harpviken A.N. Psychological vulnerabilities and extremism among Norwegian youth: A structural equation model using a large-n sample. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2021; 27 (2).
 24. Kohlberg L. Moral stages and moralization: The cognitive-development approach. *Moral Development and Behavior: Theory Research and Social Issues*. New York; 1976.
 25. Lavenne-Collof N., Dissaux N., Campelo N. et al. Sympathy-empathy and the radicalization of young people. *Children*. 2022; 9.

26. Lyzhin A.I. et al. Modern problems of youth extremism: Social and psychological components. *Journal of Community Psychology*. 2021; 49 (7).
27. Pavlović T., Franc R. Antiheroes fueled by injustice: Dark personality traits and perceived group relative deprivation in the prediction of violent extremism. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2021; 26 (1).
28. Piaget J. *The Moral Judgment of the Child*. Routledge; 2013.
29. PISOIU D. et al. Factors of individual radicalization into extremism, violence and terror — the German contribution in a context. *International Journal of Conflict and Violence*. 2020; 14.
30. Schmitt M. et al. Justice sensitivity: Assessment and location in the personality space. *European Journal of Psychological Assessment*. 2005; 21 (3).
31. Schmitt M. et al. The justice sensitivity inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data. *Social Justice Research*. 2010; 23 (2).
32. Schulz S. et al. Restorative practices for preventing/countering violent extremism: An affective-discursive examination of extreme emotional incidents. *British Journal of Sociology of Education*. 2021; 42 (8).
33. Sklad M. et al. *Perspective Taking Skills and Conflict Resolution. Social and Civic Competencies Against Radicalization in Schools*. Palgrave Macmillan; 2021.
34. Sommers M. *Youth and the Field of Countering Violent Extremism*. Washington; 2019.
35. Stahl G. et al. Preventing violent extremism: Resourcing, stakeholder strategies and fostering belonging and connection in Australian schools. *British Educational Research Journal*. 2021; 47 (5).
36. Stys Y. et al. Violent extremists in federal institutions: Estimating radicalization and susceptibility to radicalization in the federal offender population. 2014. URL: <https://publications.gc.ca/site/eng/9.805525/publication.html>.
37. Vukčević Marković M., Nicović A., Živanović M. Contextual and psychological predictors of militant extremist mindset in youth. *Frontiers in Psychology*. 2021; 12.
38. Yoder K.J., Decety J. The good, the bad, and the just: Justice sensitivity predicts neural response during moral evaluation of actions performed by others. *Journal of Neuroscience*. 2014; 34 (12).
39. Zmigrod L., Rentfrow P.J., Robbins T.W. Cognitive inflexibility predicts extremist attitudes. *Frontiers in Psychology*. 2019; 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-579-589

EDN: VOSQYG

Students' empathy in the context of extremist risks*

V.A. Tupikova, Ya.A. Gudkova, E.G. Ovchinnikov-Lysenko

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: tupikova-va@rudn.ru; gudkova_yaa@rudn.ru; 1042200009@rudn.university)

Abstract. In unstable conditions, the scale of extremism as a form of illegal actions tends to grow. The statistical decrease in the number of extremist crimes was the result of legislative changes. In the risk group, there are primarily young people from 18 to 30 years old, who are more susceptible to psychological pressure from extremist and terrorist organizations, and especially the

*© V.A. Tupikova, Ya.A. Gudkova, E.G. Ovchinnikov-Lysenko, 2023

The article was submitted on 03.03.2023. The article was accepted on 15.06.2023.

student youth, who have already begun to escape from parental control but still did not achieve the full adult responsibility. Public calls for extremist acts are based on various social-psychological mechanisms of influence and aim specifically at this age group. A low level of emotional intelligence, empathy and psychological well-being is essential for entering an extremist environment. In January–February 2022, a survey was conducted to test the hypothesis of a relationship between the level of empathy and propensity to violent extremism. The article presents the results of this survey, such as the lack of direct relationship between the level of empathy and the age. The survey's unexpected result is that the general level of boys' empathy is higher than that of girls, and girls are more likely to be extremist when they have a higher level of empathy. Thus, an increasing level of the youth's empathy seems to be a way to prevent extremist behavior withing a comprehensive program but not a universal strategy for countering youth extremism. The article can become a basis for an effective pedagogical strategy to prevent extremism and to reduce the youths' risks of being involved in it. The developed approach should take into account the gender peculiarities of empathy, which influence the manifestations of violent extremism.

Key words: youth extremism; student youth; extremist behavior; empathy; radicalism; violence; risk group; extremism prevention

Funding

The research was supported by grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — candidates of sciences “Development of a sociological method for identifying extremist risk groups among the youth”. Project No. MK-1466.2022.2